

Зима двадцать третьего года эпохи Тяньси Юаньци.

В столице Чанъань снег шел три дня и три ночи, не утихая.

В просторных павильонах дворца, где воздух был густо напоен теплом, излишняя жара навевала странную, тягучую вялость.

Ли Аньле, прислонившись к мягкому ложу, рассеянно смотрел на танцующих куртизанок.

Черные, небрежно собранные в пучок волосы, несколько прядей которого легко касались его ушей, лишь подчеркивали бледность лица, подобного гладкому нефриту.

Грациозные движения танцовщиц и залиvistые трели их голосов ничуть не трогали его. Одни и те же песни, повторяющиеся раз за разом, навевали скуку, и веки его тяжелели.

«Тск», – нетерпеливо щелкнул языком Ли Аньле. Звук был тихим, но в одно мгновение заглушил музыку в зале.

Чжии, юркая прислужница, тут же оказалась рядом. Поклонившись, она подалась вперед: «Господин, может быть, позвать новых музыкантов?»

Ли Аньле не ответил, но внезапно, словно вспомнив нечто важное, беспечно спросил: «А тот заложник с северной границы, он всё ещё стоит снаружи на коленях?»

Чжии поспешно сказала: «Докладывая маркизу, я узнала, что он всё ещё стоит на коленях. Он стоит там с девяти утра, и снег не прекращается. Наверное, он уже продрог до костей».

На губах Ли Аньле мелькнула усмешка: «Тогда пусть продолжает».

Он сделал паузу: «Внимательно следи за ним, не дай ему умереть, стоя на коленях. Но если он действительно умрет, по крайней мере, он будет менее неприятным зрелищем».

Чжии быстро ответила «да», но в глубине души она понимала, что этот человек явно имел в виду, что ему нельзя позволить умереть легко.

Пение и танцы возобновились, но Ли Аньле становился всё более раздраженным: «Прекратите, слишком шумно».

Певцы и музыканты, испуганные до полусмерти, тут же замолкли, боясь издать хоть звук.

Взгляд Чжии скользнул по их дрожащим фигурам, и она шагнула вперед, стремясь умаслить господина: «Ваше Высочество скучает? Я слышала, что люди с Северной границы поют совершенно иначе, чем жители Центральных равнин – с какой-то дикой, необузданной страстью. Почему бы не позвать того заложника и не попросить его спеть вам песню, чтобы поднять настроение?»

Ли Аньле приподнял бровь, явно заинтригованный этой мыслью. Он чуть выпрямился и лениво произнес: «О? Северная мелодия? Тогдапусти его».

Чжии, не смея мешкать, быстро обернулась к слугам, ожидавшим снаружи зала, и крикнула: «Сяо Сизэр, иди и приведи заложника Хэ».

«Есть!» – ответил Сяо Си и, бросившись прочь, скрылся в снежной мгле.

Ли Аньле закрыл глаза, стуча кончиками пальцев по краю ложа, словно погрузившись в дремоту.

В теплом павильоне царила такая тишина, что слышался лишь треск тлеющих углей.

Внезапно снаружи слышались очень тихие шаги, сопровождаемые едва уловимым звуком мягко падающего на плиты двора снега.

Шаги приблизились к двери теплого павильона, и показалось, что кто-то вот-вот войдет внутрь.

«Кто впустил его в теплую часть?»

Ли Аньле внезапно распахнул глаза и бросил лежавший рядом нефритовый жуйи на землю. Жуйи с глухим стуком ударился о пол.

Серия глухих стонов пронеслась по залу: певцы, музыканты и служанки быстро опустились на колени, умоляя: «Господин, пожалуйста, успокойте свой гнев!»

Ли Аньле даже не взглянул на них; его взгляд был прикован к фигуре в дверях.

Хэ Ланьлин уже наполовину вошел в проем, его черные одежды были покрыты снегом. Услышав выговор, он остановился, он явно онемел от холода.

«Он смеет сюда ступать?» – презрительно усмехнулся Ли Аньле. – «Вытащите его отсюда!»

Чжии бросилась вперед, но Ли Аньле, подняв руку, остановил ее. «Не стоит медлить», – передумал Ли Аньле. – «Пусть он сам выйдет и встанет на колени во дворе».

С этими словами он приподнял подбородок и приказал: «Откройте дверь. Я хочу услышать, как звучат мелодии Севера, исполняемые на ветру и в снегу».

Услышав это, выражение лица Чжии мгновенно изменилось. Она быстро шагнула вперед и понизила голос, советуя: «Господин, ваше здоровье бесценно. Так холодно, и ветер веет так сильно. Будьте осторожны, чтобы не простудиться. Если хотите послушать музыку, я могу попросить заложника спеть в коридоре. Зачем открывать эту дверь?»

Услышав это, Ли Аньле взглянул на Чжии и сказал: «Что? Ты меня жалеешь, или думаешь, что мне следует пригласить его к себе, чтобы он составил тебе компанию у камина?»

Ли Аньле повысил голос: «Почему бы тебе не выйти и не послушать там? Встань на колени на снегу вместе с ним, и ты почувствуешь, каково это – слышать северные мелодии в сопровождении холодного ветра».

Сердце Чжии сжалось, и она повторяла снова и снова: «Этот слуга не посмеет! Этот слуга знает, что она неправа!»

Затем она велела слуге распахнуть тяжелую деревянную дверь теплого павильона, и в него мгновенно ворвался холодный ветер, несущий снежинки.

Ли Аньле плотнее закутался в свою лисью шубу и молча наблюдал, как Хэ Ланьлин, шаг за шагом, ступает в вихрь снега.

«Почему ты все еще стоишь стоишь? Присядь и пой. Делай это громко, я слушаю прямо здесь. Если ты плохо споешь...»

Хэ Ланьлин опустился на колени в снег во дворе, его колени провалились в сугроб.

Словно онемев, он медленно поднял голову и посмотрел на размытую фигуру в теплом павильоне. Спустя мгновение в пустом дворе раздалась мелодия северян.

Снег покрывает безлюдные равнины, и стаи гусей летят на юг.

Мой младший брат прислонился к двери, глядя вдаль;

Дорога домой кажется бесконечной.

Длинный меч, пьющий кровь, защищает мою землю!

Увы, я связан мирскими ограничениями

И не в состоянии освободиться от оков мирских привязанностей.

<http://bllate.org/book/17608/1638882>